ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ,

в которой говорится о том, как из-за старой вражды возникла беда и несчастье, и о том, как посчастливилось Владыке сердец при столкновении со злым дьяволом-марой рассеять лучи, исходившие из глаз дьявола

Мы остановились на том, как Великий Мудрец Сунь У-кун, поддерживая под руки Танского монаха, вместе с Чжу Ба-цзе и Ша-сэном вышел на большую дорогу, и они продолжали свой путь на Запад. И вот как-то раз, задолго до полудня они неожиданно заметили высокие строения и величественные дворцы.

Танский монах придержал коня.

— Брат! — воскликнул он, обращаясь к Сунь У-куну. — Взгляни, что это за место?

Сунь У-кун поднял голову и стал всматриваться. Вот что представилось его глазам:

Дома и хоромы горами окружены,

Их дивные стены ручьями отражены.

Дерев густолистых покров осеняет резные врата,

И радует взор благовонных цветов пестрота.

Сквозь хитросплетения ивовых тонких ветвей

Видны легкокрылые цапли, нефрита белей;

Их перья подернуты нежною сизою мглой —

Так сумерки стелят на снег свой туман голубой.

В рощах, где персики зреют рдяные, как огоньки,

Мелькают иволги желтые, как пламени языки.

Олени и кроткие лани здесь парами бродят чуть свет,

Топчут осоку зеленую и молодой златоцвет.

Птицы щебечут в кустах, сладкогласно поют на лету,

Славя земли этой щедрость, богатство и красоту.

Не менее благодатен этот сияющий край,

Чем Лю и Юаня пещера в горе, что зовется Тянтай,

Или отшельников благочестивых приют,

Сад несравненный, что все Ланьюанем зовут.

— Наставник! — доложил Сунь У-кун. — Не думаю, чтобы это были палаты царей и князей, да и на дворцы богачей не похоже; скорей всего это какой-нибудь монастырь. Как прибудем туда, так и узнаем, что там такое.

Услышав эти слова, Танский монах стал подстегивать коня. Прибыв к въездным воротам, наставник и его ученики начали рассматривать их и заметили, что над воротами вделана каменная плита, на которой высечены три иероглифа: «Хуанхуа гуань», что значит «Храм Желтого цветка».

Танский монах слез с коня.

— Храм желтого цветка, — прочел Чжу Ба-цзе. — Значит, это даосский монастырь, — обрадовался он, — давайте зайдем. Даосы хоть и носят другое одеяние и шапку, но в постижении различных добродетелей ничем не отличаются от нас, буддистов.

— Ты прав,— поддержал его Ша-сэн. — Давайте зайдем! Во-первых, мы узнаем, какое у них убранство и как выглядит их храм, а во-вторых, покормим нашего коня. Кроме того, если хозяева окажутся гостеприимными, они приготовят трапезу и угостят нашего наставника.

Танский монах согласился, и наши путники вчетвером вошли в монастырь. Подойдя ко вторым воротам, они увидели еще одну надпись, исполненную в виде двух параллельных стихов:

Золото и серебро — отшельники здесь живут.

Редкие травы, растенья — монахов-даосов приют.

Сунь У-кун рассмеялся:

— Да, здесь действительно живут даосские монахи, которые жгут пырей, варят зелье, возятся с тиглями и таскают с собой склянки…

— Тише! Будь осторожен в словах! — остановил его Танский монах, крепко ущипнув. — Мы ведь с ними не знакомы и не со- бираемся заводить дружбы. Какое нам дело до них, если мы зашли сюда лишь на короткое время?

Пока он говорил, вторые ворота остались позади, и перед путниками показался главный храм, вход в который был закрыт. У восточного придела под портиком сидел какой-то даос и катал пилюли. Хотите знать, как он выглядел? Так вот, слушайте:

На голове его шапка пунцовая,

Золотом шитая;

Черная ряса совсем еще новая,

Вся глянцевитая;

Носки башмаков его темно-зеленые

Круглы, как облако;

Светят, что звезды, глаза воспаленные,

Дивен весь облик его.

Словно бессмертный Люй-гун, подпоясан он

Бечевкой упругою.

Лицо у даоса подобно рясе его —

Черное, грубое…

Хоть горбонос, как уйгур, но при этом же

Схож и с татарином:

Губы, большие, упругие, свежие,

Пылают заревом.

Муж сей стремится к познанию Истины,

В сем подвизается,

А в глубине его сердца таинственной

Громы скрываются.

Он настоящий даос, победитель коварных драконов,

Диких зверей покоритель, блюститель великих законов.

Танский монах громко окликнул даоса:

— Почтенный последователь учения Дао, святой праведник! Я, бедный буддийский монах, приветствую тебя!

Даос быстро поднял голову и, взглянув на Сюан-цзана, так растерялся, что даже выронил пилюлю из рук. Затем он поправил головной убор, привел в порядок одежду, спустился по ступеням и направился к Танскому монаху.

— Почтенный наставник! — вежливо произнес он. — Прости, что не вышел встретить тебя. Заходи, пожалуйста, в храм отдохнуть.

Танский монах обрадовался любезному приему и направился в храм. Еще с порога он увидел изображение даосской троицы, перед которой стоял жертвенный столик с курильницей. Взяв курительную свечу, Танский монах поставил ее в курильницу и трижды совершил поклон по всем правилам, после чего стал раскланиваться с даосом. Вслед затем он направился к местам, предназначенным для гостей, и уселся со своими учениками. Даос велел служкам принести чай. В помещение вошли два отрока, которые принесли чайный поднос, быстро вымыли посуду и ложки, вытерли их досуха и занялись приготовлением легкой закуски. Их суетливость встревожила тех, которые считали себя опозоренными и обиженными...

Дело в том, что семь девиц, обитавших в Паутиновой пещере, принадлежали к той же секте и закончили ту же школу даосов, что и этот монах-даос, который сейчас принимал Танского монаха. Как вы помните из прошлой главы, девы облачились в старые одежды и убежали. Кликнув своих приемных сыновей встретить врагов, сами они направились прямо сюда, в даосский монастырь, и на заднем дворе стали кроить и шить себе новую одежду. Их внимание привлекла суета служек, занятых приготовлением чая, и девицы обратились к ним с вопросом:

— Кто пожаловал в гости, что вы так хлопочете?

— Только что в монастырь вошли четыре буддийских мона- ха, — отвечали служки, — и наш учитель велел подать им чаю.

— А есть ли среди этих монахов белолицый и полный? — спросила одна из дев-оборотней.

— Есть.

— А есть ли еще один, с длинным рылом и большими ушами?

— Есть.

— Ступайте скорей, несите им чай, — сказала дева, — а своему учителю сделайте знак, чтобы он пришел сюда. Мне надо сообщить ему что-то важное.

Отроки принесли пять чашек чаю. Даос подобрал одежды и обеими руками стал подносить гостям чай. Первую чашку он поднес Танскому монаху, следующую — Чжу Ба-цзе, потом — Ша-сэну, а последнюю — Сунь У-куну. После чая, когда со стола было убрано, один из отроков сделал знак даосу, и тот сразу поднялся с места.

— Дорогие гости, — произнес он,— вы пока посидите тут! — И затем обратился к другому служке: — Оставь поднос, потом уберешь, а сейчас развлекай гостей. Я скоро вернусь.

Танский монах и его ученики остались со служкой. Но о том, как они отправились с ним осматривать монастырь, мы здесь рассказывать не будем.

Тем временем даос прошел во внутреннее помещение, где семеро дев-оборотней опустились перед ним на колени.

— Брат-наставник! — возмолились они. — Выслушай нас, твоих сестриц!

Даос стал поднимать их.

— Вы сегодня ранним утром явились сюда, желая мне что-то сказать, но я занялся изготовлением пилюль, которые не допускают сближения с женским полом, и не имел времени выслушать вас. Сейчас у меня гости. Скажете мне о вашем деле попозже.

— Дорогой брат-наставник! Осмелимся доложить, что как раз из-за твоих гостей мы и пришли сюда, чтобы пожаловаться тебе на них; а когда они уйдут, то и говорить будет не о чем.

— Что вы, — засмеялся даос, — как могло случиться, что вы исключительно из-за гостей пожаловали сюда! Уж не с ума ли вы сошли? Даже если бы я не принадлежал к тем, кто пребывает в духовной чистоте и совершенствуется в том, чтобы стать бессмертным, а был бы простым мирянином, имеющим жен и детей и занятым домашними делами, и то я не смог бы заняться разговором, пока гости не уйдут. Отчего же вы хотите поступить так неразумно, да и меня поставить в неудобное положение?! Нет уж, отпустите меня.

Но девицы-оборотни вцепились в него и не отпускали.

— Брат-наставник, ты только не гневайся на нас! Скажи, пожалуйста, откуда прибыли твои гости?

Даос плюнул и ничего не ответил им.

— Только что служки готовили здесь чай, и мы слышали, как они говорили, что пришло четверо монахов.

— Ну и что из того, что четверо монахов! — сердито переспросил даос.

— Среди этих четверых есть один полный, с белым лицом. У другого длинное рыло и огромные уши. Брат-наставник! Неужели ты не спросил их, откуда они прибыли?

— Среди них действительно есть такие, о которых вы го- ворите, — удивленно произнес даос. — А откуда вы знаете? — заинтересовался он .— Уж не видались ли с ними где-нибудь?

— Брат-наставник! Вот видишь, ты, оказывается, и не знаешь, какую обиду они причинили нам! Тот — белолицый—монах из Танского государства. Он послан на Запад к Будде за священными книгами. Сегодня утром он явился к нам в пещеру за подаянием. Мы узнали его, а затем схватили.

— А зачем вы это сделали? — спросил даос.

— Мы давно слышали о том, что у этого монаха, прошедшего в течение десяти перерождений в веках очищение от всех грехов, совершенно чистое тело и если съесть хотя бы один только кусочек его мяса, можно обрести вечную и безмятежную жизнь. Вот почему мы и схватили его. А потом появился еще один монах, с длинным рылом и длиннющими ушами, который задержал нас в купальне у источника Омовения от грязи. Сперва он похитил у нас одежду, а потом, прибегнув к волшебным превращениям, стал купаться с нами вместе, и мы ничего не могли сделать. Он прыгнул к нам в воду, превратился в сома, юлил у нас между ног, явно глумясь и пытаясь совершить насилие над нами. Он вел себя неподобающим образом! Затем он выскочил из воды и принял свой первоначальный облик. Видя, что мы не поддаемся на его обольщения, он пустил в ход свои грабли с девятью зубьями и хотел прикончить нас всех. Если бы не наша сметливость, то так бы оно и случилось, и пали бы мы от его злодейской руки. Дрожа от страха, мы пустились бежать и спаслись от него. Затем мы велели твоим маленьким племянникам, нашим приемным сыновьям, сразиться с ним. Не знаем, сколько из них погибло в этой борьбе. И вот сейчас мы пришли к тебе, брат-наставник, искать защиты. Надеемся, что ты вспомнишь то время, когда мы вместе совершенствовались, пожалеешь нас и отомстишь нашим обидчикам!

Даос сразу же вскипел гневом, выслушав этот рассказ.

Изменившись в лице, он сказал:

— Так вот, оказывается, какие наглецы эти смиренные буддийские монахи! Ну и наглость! Будьте покойны! Я с ними расправлюсь!

— Брат-наставник! — обрадовались девицы-оборотни, преисполнясь чувством благодарности к своему заступнику, — мы поможем тебе бить их.

— Не надо бить! Не надо! — остановил их даос. — Есть пословица: «Кто раз ударит, тот на треть унизит свое достоинство!» Идите за мною.

Девицы столпились вокруг даоса, и они все вместе ушли во внутреннее помещение. Там даос достал лестницу, поставил се за постелью, полез вверх и достал с балки маленький кожаный сундучок. Он был вышиною в восемь цуней, в длину один чи, а в ширину четыре цуня; сверху он был закрыт маленьким медным замком. Затем даос поспешно достал из рукава носовой платок из тонкого блестящего шелка с привязанным в одном из его уголков маленьким ключиком. Этим ключиком он открыл сундук и вынул оттуда пакетик с зельем. Вот какое оно было:

Помет всех горных птиц собрали

В количестве тысячи цзиней;

Его как следует размешали

И в медный котел положили.

Топливо под котлом горело

Медленным, ровным огнем,

Тихо пузырилось и кипело

Снадобье это на нем.

Влага излишняя испарялась,

Гуща томилась и прела,

То немногое, что осталось,

Еще не годилось в дело

Снова тушили гущу и парили

В ковшике небольшом,

Когда же взвесили это варево,

Оказалось три фэня в нем.

Вес невелик, но до веса меньшего

Снадобье довели,

И снова, тщательно перемешивая,

Калили, коптили, жгли.

И получилось зелье бесценное:

Тот, кто его попробует,

К царю Ян-вану, в царство подземное,

Пойдет кратчайшей дорогою!

— Сестрицы! — сказал даос, обращаясь к девицам-оборотням. — Это мой самый драгоценный талисман. Если дать простому смертному всего лишь одну крупицу весом в один ли, он сразу же помрет, как только проглотит, а праведнику достаточно три ли, чтобы наступила смерть. Боюсь, что эти буддийские монахи имеют кое-какие заслуги и причисляются к праведникам, а потому им надо будет дать по три ли. Живей несите сюда аптекарские весы!

Одна из девиц быстро достала весы и предложила:

— Ты взвесь один фэнь и два ли, а затем раздели на четыре части!

Даос тем временем взял двенадцать красных фиников, надломил их и стал закладывать по одному ли зелья в каждый финик, а потом разложил их по четырем чайным чашкам. Затем он взял еще два черных финика и положил в другую чайную чашку. Расставив все чашки на подносе, даос стал уговариваться с девицами:

— Вы обождите, пока я пойду разузнаю у монахов, откуда они. Если не из Танского государства, то и говорить не о чем, а если оттуда, то я велю служкам сменить чай на горячий, а вы прикажите им подать эти чашки. Монахи как только выпьют, сразу же помрут, вот вы и будете отомщены за обиду, которую негодяи монахи нанесли вам, и гнев ваш развеется!

Все семь девиц-оборотней преисполнились чувством бесконечной признательности и не уставали выражать ее.

Даос сменил одежды и со всей скромностью и смирением вышел к гостям, проявляя к ним подчеркнутое уважение и почтение. Он предложил Танскому монаху и его ученикам опять занять почетные места, отведенные для гостей, и сказал:

— Почтенный отец-наставник! Не посетуй на меня, что я на время отлучился. Я выходил распорядиться, чтобы мои ученики приготовили из разной зелени и овощей легкую трапезу для тебя...

— Я, бедный монах, пришел сюда с пустыми руками. Разве осмелюсь принять от тебя незаслуженное угощение? — возразил Танский монах.

Даос рассмеялся:

— Ты и я — люди, отрешившиеся от мирской суеты, зачем говорить о пустых руках? Раз зашел в монастырь, то уж наверняка найдется для тебя три шэна провианта. Позволь спросить тебя, уважаемый наставник, на какой святой горе ты спасаешься от мирских треволнений? По каким делам соизволил прибыть сюда?

— Я бедный монах из восточных земель великого Танского государства,— отвечал Сюань-цзан, — меня послали на Запад в храм Раскатов грома за священными книгами. По пути нам встретился этот монастырь, и мы решили зайти поклониться святым.

У даоса от этих слов на лице заиграла самая радушная улыбка, приятная, как весенний день.

— Прости меня, почтенный наставник мой! Я не знал, что ты благочестивый последователь отца великой добродетели — самого Будды, а то бы мне следовало выйти как можно раньше,

чтобы достойно встретить тебя! Извини за такое упущение! Прости мне мою вину!

Обернувшись к задним дверям, он громко позвал:

— Эй! Отроки! Живей подайте свежего чаю, этот уже остыл, да быстрее готовьте трапезу.

Когда служки пришли за чаем, девицы-оборотни подозвали их и сказали:

— Здесь уже приготовлен свежий чай. Подайте его!

Служки схватили поднос с пятью чашками чаю и понесли. Даос поспешно обеими руками взял чашку с красными финиками и поднес Танскому монаху. Заметив, что Чжу Ба-цзе велик ростом, он счел его за старшего ученика, Ша-сэна — за второго, а Сунь У-куна, который ростом был меньше всех, за младшего, поэтому ему досталась только четвертая чашка.

Сунь У-кун всегда отличался удивительной зоркостью. Поэтому он успел заметить, что на подносе осталась чашка с двумя черными финиками.

— Учитель! — сказал он, обращаясь с даосу. — Давай поменяемся с тобой чашками!

Даос улыбнулся.

— Не стану таиться от тебя, — проговорил он, обращаясь к Танскому монаху,— я, бедный даосский монах, живу в горах очень скудно, и у меля не нашлось фруктов к чаю. Только что на заднем дворе я сам сорвал с деревьев эти плоды, но красных фиников оказалось только двенадцать и я их разложил на четыре чашки, чтобы почтить вас. Но вы ведь знаете, что хозяин должен составлять компанию гостям, вот я и положил себе в чашку два финика похуже, другого цвета, только ради того, чтобы поддержать компанию. Поверьте, я хотел этим выразить особое свое почтение и уважение в вам.

— Что ты, что ты! — засмеялся Сунь У-кун. — Зачем ты все это говоришь? У древних было замечательное изречение: «Кто у себя дома, тот не беден, от бедности можно погибнуть лишь в дороге». Ты — хозяин у себя дома, зачем же говорить о бедности?! А вот мы, странствующие монахи, действительно бедны. Я хочу с тобой поменяться чашками, обязательно хочу поменяться!

Танский монах слышал все и решил вмешаться.

— Сунь У-кун! — сказал он. — Сей почтенный настоятель в самом деле хочет выказать нам свои добрые чувства гостеприимства, так что ты выпей и съешь что тебе предложено. Зачем меняться чашками?

Сунь У-куну ничего не оставалось как замолчать. Он принял чашку левой рукой, а правой накрыл ее и стал наблюдать за остальными.

Обратимся теперь к Чжу Ба-цзе. Он был очень голоден, страдал от жажды и, кроме того, отличался обжорством. Увидев, что в чашке красуется три аппетитных финика, он положил их в рот и разом проглотил. Наставник и Ша-сэн тоже съели финики. Прошло какое-то мгновение, и цвет лица у Чжу Ба-цзе резко изменился; из глаз Ша-сэна потекли слезы, а у Танского монаха на губах показалась пена, затем они все трое повалились на пол. Великий мудрец Сунь У-кун сразу сообразил, что его спутники отравлены. Он изо всей силы швырнул чашку в лицо даосу, но тот успел прикрыться рукавом, чашка со звоном упала на пол и разбилась вдребезги.

— Ты настоящий мужлан, а не монах! — гневно закричал даос на Сунь У-куна. — Зачем разбил мою чашку?

— Скотина! — процедил сквозь зубы Сунь У-кун. — Смотри, что сделал с моими братьями! Разве мы причинили тебе какой-нибудь вред? За что ты опоил нас отравленным чаем?

— Сам ты скотина, грубиян, беду на себя навлек, — ответил даос. — Неужто не понимаешь?

— Чем же я навлек на себя беду? — возмутился Сунь У-кун. — Мы пришли к тебе совсем недавно, ты усадил нас на почетные места, разговор зашел о том, откуда мы, никаких резких речей не было. В чем же дело?

— А не ты ходил за подаянием в Паутиновую пещеру? Не ты купался в источнике Омовения от грязи?

— В этом источнике купались семь девиц-оборотней, — вскричал Сунь У-кун. — Раз ты об этом заговорил, значит наверняка находишься в связи с ними, а стало быть, ты сам тоже злой оборотень! Стой! Не беги! Отведай-ка мой посох!

С этими словами Сунь У-кун вытащил посох, спрятанный за ухом, помахал им, отчего он сразу стал толщиною с плошку, и направил удар прямо в лицо даосу, но тот поспешно увернулся и, выхватив меч, ринулся навстречу.

Шум встревожил девиц-оборотней, которые находились в заднем помещении. Они разом выскочили и закричали:

— Брат-наставник! Не трать напрасно свои силы. Мы сейчас схватим его!

Сунь У-кун при виде девиц-оборотней еще больше обозлился, начал вращать посох обеими руками и ринулся на них, нанося удары куда попало. Но он все же успел заметить, что девицы стали расстегиваться, обнажили свои белые животы и после какого-то заклинания у них из пупков с шумом стали выходить толстые шелковые шнуры, которые придавили Сунь У-куна.

Чувствуя, что дело дрянь, Сунь У-кун быстро перевернулся, прочел заклинание, совершил прыжок через голову, пробил сеть, накрывающую его, и умчался. Он застыл высоко в воздухе и, сдерживаясь от ярости, наблюдал, что происходит. Блестящие шелковые шнуры, испускаемые оборотнями, переплетаясь рядами крест-накрест, словно их плел ткацкий челнок, окутали в очень короткий срок весь даосский монастырь со всеми его башнями и строениями, так что и тени от него не осталось.

— Ну и здорово! Вот здорово! — восклицал Сунь У-кун, пораженный этим зрелищем. — Хорошо, что я не попался им в лапы! Нет ничего удивительного в том, что бедняга Чжу Ба-цзе столько раз падал и разбивался! Как же мне справиться с ними? А тут еще наставник и оба мои брата наглотались яду. Видно, все эти оборотни-бесы действуют заодно. Интересно бы узнать, откуда они взялись. Постой! Дай-ка я снова обращусь к этому старику, духу местности, пусть он мне все расскажет!

И Сунь У-кун, прижав к земле край облака, щелкнул пальцами, прочел заклинание, начинающееся словом «Ом», и опять вызвал к себе духа местности.

Трясясь от страха, старец опустился на колени у обочины дороги и стал отбивать земные поклоны.

— Великий Мудрец! Ты же отправился спасать своего наставника, почему же вернулся обратно? — спросил он Сунь У-куна.

— Я давно уже спас его,— ответил Великий Мудрец, — мы пошли дальше и вскоре увидели даосский монастырь. Я с наставником и двумя другими учениками решили посетить этот монастырь. Нас приветливо встретил сам настоятель и хозяин монастыря. Мы пустились с ним в разные разговоры о том о сем, а он тем временем опоил отравленным чаем моего наставника и обоих моих братьев. Я, к счастью, не пил чая, схватил свой посох и принялся бить даоса, тогда он рассказал мне всю правду, как наставник ходил за подаянием в Паутиновую пещеру и как произошло купанье в источнике Омовения от грязи. Тут я сразу же смекнул, что этот даос тоже оборотень. Только было я начал драться с ним, как вдруг вбежали семь девиц-оборотней и при помощи волшебства выпустили из себя несметное количество шелковых шнуров. Хорошо, что я кое в чем сведущ и благодаря этому удрал от них. Думаю, что ты, живя здесь, знаешь, откуда взялись эти оборотни. Расскажи, что они собою представляют, тогда я пощажу тебя и не стану бить.

Дух еще раз совершил земной поклон и сказал:

— Эти оборотни поселились здесь лет десять назад. Мне же удалось видеть их в изначальном облике только три года назад, вскоре после проверки всех духов. Они оказались оборотнями пауков, а шнуры, которые они выпускают из своих животов, не что иное как паутина.

Эти слова очень обрадовали Сунь У-куна.

— Судя по твоим словам, они никакой опасности не представляют, — сказал он. — Ну, вот что,

иди-ка к себе, а я с помощью своего волшебства покорю их!

Дух еще раз совершил земной поклон и удалился.

Тем временем Сунь У-кун подошел к даосскому монастырю и, находясь еще за его пределами, вырвал у себя из хвоста семьдесят волосков, дунул на них своим волшебным дыханием и приказал: «Изменяйтесь!» Волоски сразу же превратились в семьдесят двойников Сунь У-куна, только совсем маленьких. затем Сунь У-кун дунул на свой посох с золотыми обручами и снова произнес: «Изменись!» И посох сразу же превратился в семьдесят рогатин с двумя остриями каждая. Сунь У-кун раздал своим крохотным двойникам по одной рогатине, себе тоже взял одну и стал в сторонке. Двойники начали дружно наматывать шнуры на рогатины и вскоре изорвали их на клочки, причем на каждую рогатину намоталось более десяти цзиней, затем из середины они вытащили семь огромных пауков, величиною с целую мерку для риса. Пауки отчаянно шевелили своими лапами, вытягивали головы и вопили: «Пощадите! Помилуйте!». Но семьдесят двойников Сунь У-куна крепко прижали к земле семерых пауков и не отпускали их, несмотря ни на какие мольбы.

— Пока что не бейте их! Пусть освободят моего наставника и его учеников! — приказал Сунь У-кун.

— Брат-наставник! — стали кричать пауки. — Отпусти Танского монаха! Этим ты спасешь нам жизнь!

Даос выбежал на крик из внутреннего помещения.

— Сестрицы! — вскричал он. — Я уже собрался есть Танского монаха, так что мне не до того, чтобы спасать вас.

— Если ты сейчас же не вернешь мне моего наставника, то смотри, что я сделаю с твоими сестрицами!

Молодец Сунь У-кун! Он помахал своей рогатиной, и она вновь превратилась в железный посох. Подняв его обеими руками, он стал бить пауков без всякой жалости и превратил их в бесформенную массу. Затем он вильнул раза два хвостом и вобрал в него все выдранные волоски. После этого Сунь У-кун кинулся на даоса, размахивая своим тяжелым посохом.

Даос видел, как Сунь У-кун убил его сестер в монашестве, и страшно ожесточился. В ярости он выхватил меч и бросился на Сунь У-куна. Тут между ними, обуреваемыми злостью и ненавистью, разразился небывалый поединок, в котором каждый изощрялся во всех своих чародействах. Вот что написано об этом в стихах:

Колесом вращается меч даоса,

Храбро оборотень сражается.

Сунь У-кун высоко свой посох заносит, —

Сразить даоса старается.

Враг врагу удары ужасные

Наносит с ожесточением,

Семь девиц в борьбе за монаха Танского

Пали на поле сражения.

Теперь же, озлобясь, вступили в сражение

Оба противника главные.

Бьются они не страшась поражения.

В мощи и мужестве равные.

Оба могущественны и решительны,

В тайных науках сведущи.

Кто же за теми семью девицами

Окажется жертвою следующей

Сунь У-кун, чей дух колебаний не знает,

Или отшельник озлобленный?

Тела их в жестокой борьбе сверкают,

Словно узоры огненные.

Звон оружия грозного слышится,

Сталь с железом сшибаются.

Тела врагов с напряженными мышцами,

Как тучи над степью, свиваются.

Брань, словно клекот обеспокоенных

Орлов, далеко разносится.

Движения ловкие бьющихся воинов

На картину художника просятся,

Шум битвы великой ветер рождает,

Зверя и птицу пугающий,

Пыль к небу туманный покров свой вздымает,

Созвездье ковша застилающий.

Даос раз пятьдесят, а то и больше, схватывался с Великим Мудрецом Сунь У-куном и почувствовал, что руки у него слабеют. Он воспользовался моментом, быстро ослабил мускулы, расстегнул одежды, развязал пояс — раздался резкий звук, и черная ряса-халат упала к ногам. Сунь У-кун рассмеялся:

— Сынок! Что? Так не можешь одолеть, думаешь, раздевшись, возьмешь верх? Нет, не поможет!

Но, оказывается, даос не зря раздался. Он поднял обе руки, и у него в том месте, где находятся ребра, показалась целая тысяча глаз, излучающих золотистый блеск, до того страшных, что простыми словами о них не расскажешь:

Желтый густой туман повис;

Его пронизывают лучи

Цвета спелого абрикоса.

Желтый густой туман повис,

Вверх поднимаясь и падая вниз.

Он исходит из ребер даоса.

Пронзают туман золотые лучи:

Это тысяча глаз, словно звезды в ночи!

Их взоры, как огненные мечи,

Исходят из ребер даоса.

Словно ты в бочке сидишь золотой,

Иль медный колокол над тобой,

Или еще в западне какой

Находишься,— ты, что стремился в бой!

Силу свою проявил чародей,

Врага своего ослепил злодей

Так, что солнце из глаз его скрылось,

И день стал в очах его ночи темней,

И небо мглой застелилось.

Дыханьем своим раскаленным даос

Противника охватил,

Ожег ему губы, глотку, нос

И грудь ему опалил.

Сунь У-куну нечем больше дышать —

Воздух горит огнем!

Сунь У-куну некуда больше бежать —

Желтый туман кругом!

Сунь У-кун растерялся, не зная, что предпринять. Он кружился на одном месте, ослепленный золотистыми лучами, и не мог двинуться ни вперед, ни назад. Ему казалось, что он попал в какую-то бадью. Но ужаснее всего было то, что лучи жгли насквозь, и он больше не мог выносить их. Он совсем обезумел; сделав отчаянный прыжок вверх, он хотел пробить слой золотистых лучей, но, ударившись о них, свалился на землю головой вниз и, как говорится, «закопал носом репку». От удара у него сильно разболелась голова. Он стал поспешно ощупывать ее руками и с ужасом убедился в том, что вся макушка у него разбита.

— Как не повезло! Вот неудача! — горестно восклицал Сунь У-кун! — Даже хваленая моя головушка на этот раз подвела! Было время, ее рубили и топорами и тесаками, но ничто не брало ее: она оставалась невредимой. Как же получилось, что от каких-то золотистых лучей она вдруг пострадала? Чего доброго, не заживет да еще начнет гноиться! А если и заживет, все равно останется след, и она утратит свою былую славу.

Между тем лучи продолжали нестерпимо жечь его, и он стал думать, как бы спастись:

— Вперед податься нельзя, назад — тоже нельзя; налево — невозможно, направо — тоже. Вверх никак не пробьешься — совсем голову себе проломаешь. Что же делать? Как быть?

А ну его, — выругался Сунь У-кун. — Пролезу под землей!

Ну, как не похвалить нашего Великого Мудреца! Прочитав заклинание, он встряхнулся и превратился в животное, похожее на ящера и способное прорывать подземные ходы даже через горы. В народе оно называется Линлинлинем. Вот послушайте, как оно выглядит:

Когти его железные обладают силой такою,

Что камни под ними дробятся сеяною мукою.

Тело его покрыто крепкою чешуею,

Словно непроницаемою кованою бронею.

Как две звезды в потемках очи его сияют,

Светом неугасимым путь его озаряют.

Его заостренное рыло крепче алмаза и стали,

Такое сверло чудесное в лавке найдешь едва ли!

Он им любой подземный путь себе прорывает,

Будто ножом отточенным луковицу разрезает.

Недаром сильнейшее снадобье носит ящера имя —

Сам же среди народа зовется он Линлинлинем.

Посмотрели бы вы, с каким проворством стал вгрызаться в землю Сунь У-кун, напрягая все мышцы головы! Прорыв подземный ход длиною более двадцати ли, он высунул голову на поверхность. Как оказалось, золотистые лучи действовали только на десять с лишним ли. Сунь У-кун благополучно вылез из земли и принял свой настоящий облик. От напряжения у него ныло и болело все тело, он чувствовал себя совсем разбитым, и слезы неудержимым потоком струились из его глаз. Упавшим голосом он начал причитать:

О мой отец, о мой наставник дорогой!

Изгладится ль из памяти то время,

Когда горы большой с меня свалили бремя,

И, к вере приобщась, пошел я за тобой?

В пути на Запад отдыха не знал...

Меня не изумляли, не страшили

Ни злобных демонов разнузданные силы,

Ни горных рек разлив, ни моря грозный вал,

А здесь на ровном месте оступился,

В открытую канаву провалился...

С тобой, наставник мой, и я в беду попал!

Предаваясь безутешной скорби, прекрасный Царь обезьян, Сунь У-кун, вдруг услышал, что за склоном горы кто-то горько плачет. Он быстро выпрямился, утер слезы и, оглянувшись, стал всматриваться. Он увидел женщину в глубоком трауре. Всхлипывая, она медленно приближалась к нему. В левой руке она несла плошку с жидкой пищей, а в правой держала жертвенные бумажные деньги, которые по обычаю сжигают на могиле.

«Верно говорится в пословице, — подумал Сунь У-кун со вздохом, кивнув головой: — «Кто слезы льет, — встречается с тем, кто так же, как он, плачет; кто надрывается в печали, тому такой же горемыка попадается на пути!» Интересно знать, отчего так убивается эта женщина? Дай-ка я ее расспрошу», — решил он.

Вскоре женщина подошла совсем близко. Он почтительно поклонился ей и спросил:

— О милостивая женщина! Скажи мне, о ком ты плачешь?

Глотая слезы, женщина отвечала:

— Мой муж покупал бамбуковые жерди в даосском монастыре — храм Желтого цветка и повздорил с настоятелем, который в отместку опоил мужа отравленным чаем. Я несу на его могилу эти жертвенные деньги в память о нашем супружестве.

Сунь У-кун заплакал. Женщина страшно обозлилась и гневно закричала на него:

— Какой же ты невежа! Я горюю и скорблю о моем муже, полна негодования на обидчика, а ты позволяешь себе издеваться надо мной и передразнивать меня!

Отвешивая почтительные поклоны, Сунь У-кун стал оправ- дываться:

— О милостивая женщина! Смири свой напрасный гнев! Выслушай меня! Я ведь старший ученик и последователь Танского монаха Сюань-цзана, который идет на Запад из восточных земель великого Танского государства, и зовут меня Сунь У-кун. В пути нам попался даосский монастырь — храм Желтого цветка, и мы зашли в него, чтобы дать коню передохнуть. Даосский монах, оказавшийся там, не знаю, что он за оборотень, водил дружбу с семью паучихами, принявшими образ дев. А эти паучихи, еще когда мы проходили мимо Паутиновой пещеры, вознамерились погубить моего наставника, но мне и двоим другим ученикам и последователям наставника, Чжу Ба-цзе и Ша-сэну, удалось спасти его от гибели. Паучихи прибежали сюда, в даосский монастырь, и наговорили про нас этому даосу всяких небылиц о том, что мы, мол, хотели обмануть и обидеть их. Тогда даос опоил отравленным чаем моего наставника и обоих моих братьев, и они, все трое, да еще конь, остались в монастыре. А я не стал пить чай и разбил чашку вдребезги. Тогда даос полез в драку со мной. Пока мы с ним ругались, вбежали семь оборотней-паучих и начали опутывать меня паутиной, которую выпускали из своих животов. Я попал в их сети, но избавился благодаря своему волшебству. От духа местности я все узнал про них; при помощи волшебства создал семьдесят подобных мне существ, которые порвали паутину, вытащил из нее паучих и размозжил их своим посохом. Даос сразу же принялся мстить мне за это и вступил со мной в бой, вооружившись волшебным мечом. Мы с ним сходились раз шестьдесят, и он потерпел поражение. Скинув с себя одеяние, он обнажил свои ребра, откуда на меня обратились тысячи глаз, испускавших десятки тысяч золотистых лучей. Они накрыли меня, словно колпаком, и я не мог податься ни вперед, ни назад. Тогда я решил превратиться в ящера, проделал подземный ход и вот только что вылез из земли. Пока я предавался глубокой скорби и печали, вдруг раздался твой плач. Я удивился и решил спросить, что случилось. Когда ты сказала, что собираешься жечь на могиле эти бумажные деньги, я

подумал о своем погибшем наставнике, которому ничего не могу принести в жертву,— вот почему мне стало горько и обидно и я заплакал. Неужели я посмел бы издеваться над тобой?!

Женщина положила наземь плошку с едой и жертвенные деньги, затем совершила еще более почтительный поклон перед Сунь У-куном и обратилась к нему с таким словами:

— Не сердись на меня! Не сердись! Я ведь не знала, что ты тоже пострадал. Видно, ты не знаешь, кто он такой, этот даос. По настоящему его зовут Стоглазым марой, а попросту — Многоглазым чудищем. Ты, безусловно, владеешь великими чарами, раз тебе удалось так долго сражаться с ним и избежать гибели от его золотистых лучей. Но все же тебе нельзя приближаться к этому негодяю. Я научу тебя: надо обратиться к очень мудрому и прозорливому человеку, который сможет рассеять эти золотистые лучи и покорить даоса!

Сунь У-кун, услышав эти слова, издал набожный возглас благодарности и добавил:

— О милостивая женщина! Укажи, к кому надо обратиться. Если тот мудрец и прозорливец, которого я попрошу пожа- ловать, в самом деле спасет моего наставника, то я сразу же отомщу за смерть твоего мужа!

— Сейчас же, как скажу тебе, отправляйся за этим человеком, и, когда он покорит даоса, я буду считать себя отомщенной. Боюсь только, что твоего наставника нельзя будет спасти...

— Почему ты так думаешь? — спросил Сунь У-кун.

— Потому что действие яда очень сильное, — ответила женщина. — В течение трех дней яд разлагает все кости в человеческом теле. А тебе на дорогу туда и обратно потребуется гораздо больше времени, вот почему я и говорю, что нельзя будет его спасти.

— Я могу преодолеть любое расстояние, каким бы далеким оно ни было, всего за полдня,— уверенно произнес Сунь У-кун.

— Ну, если ты такой ходок, — отвечала женщина, — то слушай меня внимательно: отсюда до того места, где живет этот мудрый и прозорливый человек, целая тысяча ли. Там находится гора, которая называется горой Пурпурных облаков. В этой горе есть пещера Тысячи цветов, в ней как раз и живет этот человек. Зовут его Пиланьпо. Только он один и сможет покорить даоса-оборотня!

— В какой же стороне находится эта гора? — живо спросил Сунь У-кун, — куда мне направиться?

Женщина указала рукой и сказала:

— Туда! Прямо на юг, там она и находится.

Сунь У-кун оглянулся, но женщины уже и след простыл. Тогда он пришел в смятение и, отбивая поклоны, стал приговаривать:

— Не иначе как это была бодисатва. А я, видно, настолько обалдел от того, что рыл землю, что не распознал ее. Умоляю, услышь меня! Скажи свое имя, чтобы я всегда мог благодарить тебя!

— Великий Мудрец! — послышался звонкий голос с неба, — это я!

Сунь У-кун поднял голову и посмотрел. Оказывается, это была наставница Лишань. Он быстро поднялся в воздух, выразил благодарность, а затем спросил:

— Наставница! Откуда ты прибыла?

— Я возвращалась с проповеди под древом лунхуа, — отвечала она, — и увидела, что твой наставник попал в беду. Преобразившись в простую женщину, я явилась к тебе под видом вдовы, оплакивающей мужа, чтобы спасти твоего наставника от смерти. Поспеши пригласить того человека, только не говори ему, что это я научила тебя, так как этот мудрый и прозорливый человек отличается весьма странным характером.

Сунь У-кун еще раз поблагодарил. Распростившись с наставницей, он, словно ветер, помчался на своем облаке и вскоре прибыл к горе Пурпурных облаков. Остановив облако, Сунь У-кун сразу же отыскал глазами пещеру Тысячи цветов. За пределами этой пещеры открывался замечательный вид, о котором лучше рассказать в стихах:

Тень свою легкую сосны на дивную землю бросают,

Зеленой стеной кипарисы обитель святых окружают.

Вдоль горной дороги растут густолистые ивы рядами,

А горных ручьев берега ярко пестреют цветами.

У каменных зданий стоят орхидеи оградой пахучей,

Душистые травы ковром устилают обрывы и кручи.

Воды журчат и бегут, бирюзовым сливаясь потоком,

Тучка в пути отдыхает на дубе дуплистом, высоком,

Птиц многочисленных слышится щебет и пенье,

По тропкам незримым пугливые ходят олени.

Каждая ветка высоких бамбуков нежна и красива,

Соком полны и побеги и ветви пурпуровой сливы.

Вороны приютились на темных вершинах деревьев,

Нежно щебечут весенние пташки на ясенях древних.

Богатый суля урожай, колосятся хлеба золотые,

Солнечным светом и влагой земной налитые.

Здесь никогда ты не встретишь листвы пожелтевшей,

Зиму и лето цветы здесь по-летнему свежи.

Здесь зародившись, туман в голубые просторы стремится,

Чтоб, в облака превратившись, дождем благодатным пролиться.

Великий Мудрец, обрадованный и веселый, сошел с облака и отправился к пещере, очарованный безграничными просторами удивительных по своей красоте пейзажей. Он углубился в горы и очутился в замечательно красивом месте, где вокруг все было тихо и безмолвно, не слышно было ни человеческих голосов, ни лая собак, ни кукареканья петухов. Вдруг его охватило тревожное чувство: «А что, если мудреца не окажется дома?» Он прошел еще несколько ли и, внимательно оглядываясь по сторонам, вдруг заметил монахиню, которая сидела на легкой тахте.

Если хотите знать, как она выглядела, послушайте:

На голове ее шапочка пятицветная,

Вышитая узорами яркими и приметными.

Халат златотканый ее стоит богатства несметного.

На ней башмачки с головками фениксов дивными,

Пояс ее — крученый, с радужными переливами.

Лик у нее увядший, словно цветы осенние,

Заморозками тронутые в их запоздалом цветении,

А голосок подобен ласточки щебету нежному,

Когда весною у пагоды гнездо свое лепит, прилежная.

Три основных учения давно этой женщине ведомы,

Четыре великих истины ею поняты и исследованы,

В них она совершенствуется, правде единой предана.

Пустота беспредельная сущего мудрой женою постигнута,

Жизнь вечная и блаженная в горных краях достигнута.

Там обитает она, бодисатва, всем людям известная,

Имя ее — Пиланьпо — снискало любовь повсеместную.

Сунь У-кун приблизился к бодисатве, поклонился и воскликнул: — О бодисатва Пиланьпо! Приветствую тебя!

Бодисатва сразу же сошла с тахты, сложила руки ладонями вместе и, возвращая поклон, произнесла:

— Великий Мудрец! Прости, что не вышла встречать тебя! Ты откуда прибыл?

— Как же ты узнала, что меня зовут Великий Мудрец? — удивился Сунь У-кун.

— Когда ты учинил великое буйство в небесных чертогах, — отвечала бодисатва, — везде и всюду сообщили описание твоей наружности. Кто же теперь не опознает тебя?

— Вот уж верно говорят: «Добрая слава дома лежит, а худая — по свету бежит!» О том, что я стал правоверным последователем Будды, тебе, оказывается, даже неизвестно!

— Когда же это ты успел стать правоверным? — удивилась бодисатва Пиланьпо. — Что ж, если это так, то от всего сердца поздравляю тебя!

— Недавно я даже удостоился получить повеление, — произнес Сунь У-кун. — Мне поручено охранять моего наставника Танского монаха в путешествии на Запад за священными книгами. Но вот по дороге наставник повстречался в даосском монастыре — храм Желтого цветка с даосским монахом, который отравил его чаем. Я вступил было в борьбу с этим даосом-оборотнем, но он стал излучать бесчисленные золотистые лучи, которые накрыли меня, словно колпаком, и я едва избавился от них благодаря своему волшебству. Мне известно, что ты, бодисатва, можешь уничтожить его золотистые лучи, а потому и явился к тебе. Умоляю, не откажи мне в моей просьбе.

— Кто же мог рассказать тебе об этом? — удивилась бодисатва. — Вот уже более трехсот лет прошло с того времени, как я была на празднике Милосердия, и за все это время ни разу никуда не выходила. Я даже скрыла свое имя, и никто не знает обо мне. Каким же образом ты узнал?

— Ты ведь знаешь, что я земной дух и могу появляться всюду, где мне только вздумается.

— Ладно! Ладно! Молчи! — перебила его бодисатва Пиланьпо. — Мне, собственно, не следовало бы выполнять твою просьбу. Но раз ты сам, Великий Мудрец, удостоил меня своим посещением, я не могу отказать тебе и отправлюсь с тобою. Нельзя допустить, чтобы твой

наставник не выполнил своего священного долга.

Сунь У-кун принялся благодарить бодисатву.

— Прости мне мою невежливость, но позволь все же поторопить тебя; и потом скажи, какое возьмешь с собой оружие?

— У меня есть вышивальная игла, — отвечала бодисатва. — Она способна пронзить насмерть негодяя даоса.

Сунь У-кун не сдержался и проговорил:

— Видно, обманула наставница меня. Если б я раньше знал, что можно справиться вышивальной иглой, то не утруждал бы тебя, поскольку таких иголок я смог бы раздобыть целый дань.

— Твои иглы — это обычные иглы, сделанные из стали, а вот моя игла — это волшебный талисман: он не стальной, не железный и не золотой, а закаленный в луче солнца моим сыном.

— А кто же твой сын? — спросил Сунь У-кун.

— Правитель созвездия Мао.

Изумлению Сунь У-куна не было границ.

Двинувшись в путь, он давно уже заметил ярко блестевшие золотистые лучи.

— Вон там! — воскликнул он, обращаясь к бодисатве. — Видишь золотистые лучи? Там — даосский монастырь — храм Желтого цветка.

Пиланьпо тотчас же вынула из воротника вышивальную иглу, тоненькую, как бровинка, длиною не более пяти или шести фэней. Она подбросила ее несколько раз на ладони, а затем кинула в воздух. Вскоре раздался оглушительный треск, и золотистые лучи угасли, словно кто-то разбил их.

— Прекрасно! Замечательно! — восторженно воскликнул Сунь У-кун. — Но надо найти иглу! Непременно найти ее!

Тогда Пиланьпо протянула Сунь У-куну руку и спросила:

— Разве это не она?

После этого Сунь У-кун вместе с бодисатвой спустились на облаке и направились в монастырь. Там они увидели монаха даоса с закрытыми глазами, который не мог ступить и шага.

— Ах ты, мерзавец! — набросился на него Сунь У-кун с ругательствами. — Вздумал еще притворяться слепым? — Он вытащил из уха свой посох, намереваясь ударить даоса, но бодисатва остановила его:

— Не бей его, Великий Мудрец! Лучше сходи и посмотри, что с твоим наставником.

Сунь У-кун быстро направился в заднее помещение и стал искать наставника на местах, отведенных для гостей. Он увидел всех троих, лежащих на земле. Изо рта у них текла пена. Сунь У-кун стал горько плакать.

— Что же теперь делать? Как быть? — восклицал он. К нему подошла бодисатва Пиланьпо.

— Не горюй, Великий Мудрец, — утешала она его. — Поскольку я сегодня вышла из дома, то позволь мне совершить еще одно доброе дело. К счастью, у меня при себе пилюли противоядия, и я дам тебе три штуки.

Сунь У-кун повернулся к ней и, низко кланяясь, протянул руки. Бодисатва достала из рукава рваный бумажный сверток, в котором оказались три красные пилюли, вручила их Сунь У-куну и научила его, что надо делать.

Сунь У-кун разжал зубы пострадавших и засунул каждому в рот по одной пилюле.

Вскоре противоядие проникло в желудок и у пострадавших началась сильная рвота. Они изрыгнули из себя яд и вновь обрели жизнь. Первым стал делать попытки встать на четвереньки Чжу Ба-цзе.

— Ну и душило меня! — произнес он.

Вслед за ним очнулись Танский монах и Ша-сэн.

— До чего же нам было дурно! — произнесли оба.

— Вы были отравлены чаем, — пояснил Сунь У-кун. — И обязаны своим спасением бодисатве Пиланьпо. Поторопитесь отблагодарить ее, пока она еще здесь!

Танский монах выпрямился, оправил свои одежды, а затем уже стал благодарить.

— Брат, а где сейчас даос? — спросил Чжу Ба-цзе, обращаясь к Сунь У-куну. — Я хочу спросить

его, за что он так жестоко поступил с нами.

Тогда Сунь У-кун рассказал ему всю историю про паучих.

Чжу Ба-цзе пришел в ярость.

— Раз этот негодяй побратался с паучихами, значит, сам он тоже оборотень.

— Он стоит там, у входа в храм, — сказал Сунь У-кун, — и притворяется слепым.

Чжу Ба-цзе схватил свои грабли и собрался поколотить даоса, но бодисатва удержала его.

— Тянь-пэн! — обратилась она к Чжу Ба-цзе, — смири свой гнев. Великий Мудрец знает, что у меня некому стеречь мою пещеру. Я хочу взять оборотня с собой — пусть будет у меня сторожем.

— Раз ты проявила к нам столь великое милосердие, разве можем мы перечить тебе? Пусть только оборотень примет свой первоначальный вид. Мы хотим посмотреть, каков он на самом деле.

— Ну что ж! Это легко сделать! — сказала Пиланьпо.

Она выступила вперед и протянула руку, указывая на даоса, который тотчас же повалился на землю и превратился в огромную стоножку, длиною до семи чи. Пиланьпо поддела стонож- ку своим мизинчиком и, поднявшись на благодатное облако, направилась к своей пещере Тысячи цветов.

Чжу Ба-цзе, задрав голову, проводил ее взглядом, а затем сказал:

— Эта бодисатва обладает огромной силой! Иначе ей бы не удалось сразу покорить злое чудище!

— Когда я спросил ее, каким оружием она собирается рассеять золотистые лучи оборотня-даоса, — с улыбкой сказал Сунь У-кун, — она ответила мне, что у нее есть вышивальная иголка, которую закалил в лучах солнца ее сын. Когда же я спросил, кто ее сын, она сказала, что он правитель созвездия Мао. Правитель созвездия Мао — это петух, а сама она, безусловно, оборотень курицы. Известно, что курицы любят клевать стоножек, вот почему ей и удалось так легко привести в покорность этого оборотня!

Услышав обо всем этом, Танский монах беспрестанно отбивал земные поклоны, а затем обратился к своим ученикам:

— Братья! Давайте собираться в путь!

Ша-сэн нашел крупы, приготовил еду, и все наелись досыта.

Ведя коня и таща поклажу, ученики пошли за своим наставником, предложив ему первым выйти из ворот монастыря. Сунь У-кун вытащил из кухонного очага пылающую головешку и подпалил все строение, которое вскоре сгорело дотла, превратившись в большую груду пепла, а затем пустился в путь.

Вот уж поистине:

Монаха от гибели злой

Пиланьпо-бодисатва спасла,

Тысячеглазое чудище

Смерти она предала!

О том, что произошло с путниками в дальнейшем, вы узнаете из последующих глав.

http://tl.rulate.ru/book/14623/288279